

ТИПОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СИЛОВЫХ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

С.А. Кристиневич**

Предложена типология институциональных интервенций на национальном и наднациональном уровнях экономики. Описаны модели взаимодействия в рамках недобровольного обмена. Установлено, что в качестве оптимизирующего критерия целевой функции интервента может выступать максимизация разницы между выгодами от институциональной интервенции и издержками поддержания необходимого институционального дизайна. Описано состояние насильственного равновесия, характеризующееся тем, что дальнейшее использование силового потенциала для интервента ведет к снижению легитимности и росту издержек контроля, а сопротивление объекта интервенции установленному институциональному порядку вызывает возрастание издержек неподчинения. Обоснована обобщенная схема осуществления институциональных интервенций, предложены перспективные направления исследований.

Ключевые слова: институциональные интервенции, недобровольный обмен, новая политическая экономия, экономическая власть, силовое перераспределение, насильственное равновесие.

JEL-классификация: A10, B41, D02.

Материал поступил 25.06.2018 г.

Использование ограниченных ресурсов не всегда бывает эффективным. Поэтому лицо, принимающее решение об их аллокации с целью максимизации индивидуальной выгоды, рассматривает возможности вложений не только непосредственно в экономическую деятельность, но и в создание персонифицировано благоприятных условий ее осуществления. Такую инвестиционную стратегию принято называть поиском ренты (Tullock, 1967; Krueger, 1974). Рентоориентированное поведение обычно рассматривается как инвестиционная деятельность, связанная с вложением ресурсов не в создание добавленной стоимости, а в политический процесс. Такое поведение может служить *одной из* причин возникновения институциональной интервенции, когда например, в качестве целевой функции стоит задача перераспределения

прав собственности на извлекаемый доход в пользу менее эффективного владельца ресурса.

В отличие от поиска ренты институциональная интервенция представляет собой форму насильственного (одна из сторон не может добровольно отказаться от взаимодействия) обмена и инструмент силового перераспределения, сопровождающийся должным уровнем легальности (соответствия формальным правилам) и легитимности (признания объектом права на насилие со стороны интервента). Институциональная интервенция как технология манипулирования правилами характеризуется «пространством» целей: от альтруистичных (перераспределение, направленное на повышение всеобщего благосостояния, стимулирование инновационного развития экономики, развитие национального чело-

* Автор выражает благодарность зав. кафедрой экономической теории, профессору В.А. Воробьеву (БГЭУ, Минск) за возможность обсуждения результатов и создание вдохновляющей атмосферы в процессе исследования; главному научному сотруднику лаборатории институционального анализа, профессору В.Л. Тамбовцеву (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) за ценные замечания и нерациональный патернализм.

** Кристиневич Сергей Анатольевич (sk.bseu@gmail.com), кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

веческого капитала и т. п.) до индивидуально прагматичных (перераспределение в пользу отдельных акторов политико-экономического процесса).

Разнородность проявления институциональных интервенций вызывает необходимость их упорядочения на основе общих признаков. Существенными критериями типологии могут выступать:

- субъектно-объектный состав на различных уровнях экономического анализа;
- характер целевой функции интервентов;
- издержки перераспределения.

В статье развивается гипотеза о неравномерном распределении потенциала насилия среди экономических субъектов, проявляющемся в целенаправленном манипулировании правилами и/или механизмами принуждения к их соблюдению (Кристиневич, 2017). Целью работы на данном этапе выступает концептуализация и поиск критериев различения силовых перераспределительных процессов на национальном и наднациональном уровнях экономики.

Субъекты/объекты институциональной интервенции: модели взаимодействия «проектировщик–исполнитель» и «интервент–жертва (объект)»

Реализация институциональной интервенции может быть рассмотрена в системе субъектно-объектных отношений. В границах национальной экономики субъектами институциональной интервенции являются лица, которые принимают решения о выборе институциональной траектории, назовем их «проектировщиками», и лица, которые непосредственно реализуют институциональное изменение, назовем их «исполнителями». В зависимости от политического устройства (парламентская республика, президентская республика и др.) политики (избираются), чиновники (назначаются), группы специальных интересов могут входить в состав как проектировщиков, так и исполнителей. Потребителями (объектами) институциональной интервенции выступают соответствующие области приложения (отрасли, группы и т. д.). Целесообразным видится рассмотре-

ние двух моделей взаимодействия: «проектировщик–исполнитель» и «интервент–жертва (объект)¹».

Модель «проектировщик–исполнитель». Данная поведенческая абстракция опирается на принцип методологического индивидуализма; допущение об относительной ограниченной рациональности, включающее мотивационный и когнитивный компоненты; допущение об асимметрии распределения информации между «проектировщиком» и «исполнителем»; наличие оппортунистических мотивов как результата неполноты информации; существование положительных трансакционных издержек как результата асимметрии информации и оппортунизма.

Согласованность интересов «проектировщика» и «исполнителя» увеличивает эффективность их взаимодействия при реализации силового перераспределения. Однако в силу различий мотивационной и когнитивных компонент этих субъектов чаще наблюдается несовпадение целевых функций, что создает дополнительные издержки согласования интересов. Решение этой проблемы может быть основано на использовании потенциала теории контрактов². В частности, широкий спектр моделей «принципал–агент» позволяет учитывать специфику взаимодействия между субъектами с разнородными целями в условиях информационной асимметрии. Примерами применения таких моделей могут служить случаи, когда принципалом выступает собственник фирмы, а агентом – менеджер (в более общем случае наниматель и работник), или законодательная (принципал) и исполнительная (агент) ветви власти и т. п. Принято выделять две стадии контрактации: предконтрактную (*ex ante*) и постконтрактную (*ex post*). Существование асимметрии информации на разных стадиях контрактации обусловило по-

¹ Далее в тексте модель «интервент–жертва» будет описывать интервенции с отрицательным внешним эффектом, интервенциям с положительным внешним эффектом будет соответствовать модель «интервент–объект».

² Теория контрактов представляет собой раздел современной экономической теории, в котором рассматриваются модели с асимметричной информацией. Предметом ее изучения является контрактный процесс. Однако если в юридической науке под контрактом принято понимать «добровольно заключаемое соглашение», то здесь контракт – это прежде всего «совокупность правил, структурирующих обмен».

явление двух типов моделей. Первый тип описывает предконтрактный оппортунизм (неблагоприятный отбор), второй тип связан с исследованием постконтрактного оппортунизма (моральный риск).

Взаимодействие в модели «проектировщик–исполнитель» представляет собой контрактацию на стадии реализации институциональной интервенции. «Проектировщик» не всегда может оценить уровень усилий, предлагаемый «исполнителем». Ненаблюдаемость действий одного из участников увеличивает вероятность оппортунистического поведения, тем самым повышает риски успешного внедрения институционального проекта. Такая ситуация аналогична постконтрактному оппортунизму. Проблема принципа состоит в поиске и создании стимулов, которые заставят агента придерживаться оптимальной траектории поведения. Результатом торга между «проектировщиком» и «исполнителем» может стать консенсус, когда в функцию полезности принципа встроена функция полезности агента. При достижении согласования интересов «проектировщика» и «исполнителя» их можно рассматривать как единого субъекта – интервента с общей целевой функцией.

Модель «интервент–жертва (объект)». Неравномерное распределение потенциала насилия выступает *предпосылкой* возникновения институциональной интервенции. *Причиной* же является желание использовать этот потенциал как конкурентное преимущество при взаимодействии с другими акторами. Существующие базовые типы взаимодействия – рынок, борьба, игра, насилие – позволяют заключить, что для институциональной интервенции характерны последние три. Борьба и игра применима в случаях, когда возможен торг между акторами (например, санкционная/антисанкционная политика на международном уровне или протекционистская торговая политика в рамках интеграционного объединения). Насилие как форма недобровольного обмена легко наблюдаемо в границах национальной экономики в рамках силового перераспределения, сопровождающегося как низким (от систем налогообложения до экспроприации собственности), так и высоким (от программ развития национального человеческого ка-

питала до стратегий освоения космоса) уровнем легитимности. Целенаправленное конструирование правил и механизмов принуждения со стороны «интервента» вызывает искажение аллокационных механизмов, а невозможность «жертвы» отказаться от недобровольного обмена сопровождается ростом издержек. Такую форму проявления институциональной интервенции назовем *отрицательной*. Она обычно ведет к снижению легитимности интервента и снижению стимулов для «жертвы». Если же институциональная интервенция создает четкую и эффективную (с точки зрения общественного благосостояния) систему стимулов, вызывает снижение социальных издержек, сопровождается высоким уровнем легитимности (тем самым снижает издержки принуждения у интервента), будем называть ее *положительной*. От легитимности зависит степень ресурсного обеспечения институциональной интервенции. В случае высокой легитимности проекта для его сопровождения достаточно *угрозы* насилия (административный ресурс) со стороны интервента, чем достигается экономия на издержках принуждения. Институциональные проекты с низким уровнем легитимности требуют большей инвестиционной активности от интервента для создания эффективного механизма принуждения.

При анализе институциональных интервенций в системе международных отношений продуктивным выглядит взаимодействие по типам «борьба» и «игра». Модель «интервент–жертва» в рамках этих типов отношений позволяет описать варианты воздействия «интервентов» и ответных реакций «жертв». В глобальном политико-экономическом пространстве роли «интервента» и «жертвы» размыты. Поскольку акторами здесь выступают международные организации, интеграционные объединения, клубы правительств, отдельные государства и т. п., их позиция по отношению к одним будет характеризоваться как интервенционистская, но положение по отношению к другим может быть зависимым.

Диапазон целей интервентов глобального уровня достаточно широк: от тактических – конструирования правил, улуч-

шающих условия ведения бизнеса для национальных компаний, до стратегических – экспорта идеологий. Преимущества в переговорной силе и ресурсном потенциале позволяют интервенту, опираясь на современные гуманитарные технологии, выигрывать в информационной конкуренции. Победа в информационной конкуренции дает возможность быстро формировать нужное общественное мнение по тому или иному вопросу. Общественное мнение обеспечивает необходимой легитимностью действия глобального интервента, наделяя его правом влиять не только на конфигурацию мирового порядка, но и на направление процесса глобализации. Последствием глобализации является стирание национальных идентичностей, своего рода унификация сфер жизнедеятельности. Возникает потребность в образце такой унификации. За право им быть постоянно идет борьба, поскольку субъект, выступающий в качестве паттерна, претендует на формирование стандартов практически по всем направлениям жизнедеятельности. Определение трендов потребительских предпочтений, настойчивость в выборе инструментов экономической политики для других стран, ограничение разнообразия форм политического устройства, монополия на идентификацию демократичности государств, установление норм и атрибутов «настоящей» культуры – неполный перечень сфер влияния потенциального лидера глобализации.

В конкуренции за право быть таким образцом побеждает актер, способный предложить не только конкурентоспособную идеологию, но и эффективную технологию ее продвижения. Идеология представляет собой ментальную модель, разделяемую большинством. Ментальная модель – это совокупность правил (институтов), регламентирующих способы понимания (процесс познания) реальности и стимулирующих человека к действию. Чем больше индивидов соблюдают правила, входящие в ментальную модель, тем они легитимнее, тем меньше издержек несет интервент.

Таким образом, несмотря на широкий спектр целевых функций интервенентов как на национальном, так и на наднациональном уровне в качестве их **оптимизирующе-**

го критерия может выступать *максимизация разницы между выгодами от институциональной интервенции и издержками поддержания необходимого институционального дизайна*³.

Целевые функции интервенентов

Национальный уровень. Институциональная интервенция как модель силового перераспределения проявляется в форме недобровольного обмена. Периодически повторяясь, такой обмен становится систематическим, а последствия его в виде роста издержек у «жертвы», ограничения поведенческих альтернатив и т. п. воспринимаются как норма, наделяя интервенцию признаком устойчивости и легитимности. С течением времени следование новым «правилам игры» воспринимается со стороны «жертвы» как объективная реальность. Применение санкций за отступление от них становится общественно одобряемым. «Интервент», учитывая ожидаемый уровень легитимности (например, на основе изучения общественного мнения), выбирает способ реализации интервенции и форму целевой функции. По способу реализации, в зависимости от наблюдаемости/ненаблюдаемости последствий со стороны «жертвы» институциональная интервенция может быть *открытой* или *скрытой*. По составу целевой функции, в зависимости от количества проектируемых «интервенентов» целей – *простой* или *иерархичной*.

Обозначенная в качестве критерия «наблюдаемость/ненаблюдаемость последствий со стороны «жертвы»» требует некоторого пояснения, поскольку на первый взгляд кажется очевидным, что оценивать изменения и реагировать на них определенным образом будет «жертва». Однако в действительности речь идет о представлении «интервента» по поводу рациональности «жертвы». Если актер проектирует интервенцию исходя из допущения, что «жертва» склонна предвидеть ее последствия, но они будут не одобрены (в пределах легитимности), то выбирается открытая форма ее реализации. Если актер предполагает

³ Об издержках каждого из участников недобровольного обмена см. далее пункт «Издержки перераспределения».

ет, что для «жертвы» последствия будут неочевидны (а также не одобрены) и превышать пределы легитимности, то интервенция приобретает скрытый характер при сохранении легальности.

Открытая институциональная интервенция может иметь простую или иерархичную целевую функцию. Примером⁴ *открытой институциональной интервенции с простой целевой функцией* является «торговля протекционизмом», результатом которой выступают рост ренты у институционального субъекта, благоприятные условия ведения бизнеса у групп интересов, рост издержек у контрагентов (потребителей), связанный с ростом цен на внутреннем рынке от введения торговых барьеров. Здесь потребитель выступает «третьей стороной», чьи интересы не учтены в ценах, что позволяет рассматривать эту институциональную интервенцию как отрицательную экстерналию.

В качестве *открытой институциональной интервенции с иерархичной целевой функцией* можно назвать устоявшуюся во многих национальных экономиках систему налогообложения аддитивных товаров⁵. Данные группы товаров обладают неэластичным спросом для потребителей, что дает возможность систематически увеличивать налоговую нагрузку (косвенные налоги). Сформированная у покупателей зависимость не позволяет отказаться от потребления этих товаров и от уплаты возрастающих налогов в цене товара. Таким образом, у «жертвы» отсутствует возможность выйти из недобровольного обмена, а «интервент» преследует иерархичную цель: (1) позиционирование в качестве борца за здоровую нацию, (2) пополнение доходной части бюджета.

В процессе реализации целевой функции возможны защитные действия со стороны жертвы. Ожидаемые препятствия силовому перераспределению могут быть оценены интервентом через соотношение «политических выгод и издержек» (Rodrik, 1996). Соотношение определяется с помо-

щью коэффициента, показывающего уровень перераспределения ресурсов между различными группами субъектов в результате проведения экономической политики в расчете на единицу прироста эффективности экономики. Дополнением такому подходу может быть *модель насильственного равновесия*, которая описывает пороговые состояния легитимности для интервента и уровень терпимости жертвы к новому институциональному порядку. Целью построения модели не является формализация результатов институциональной интервенции. Задача состоит в демонстрации одного из возможных подходов к анализу оптимизации целевой функции интервента.

Модель⁶ насильственного равновесия «интервент–жертва». Расходы интервента финансируются из доходов жертвы. В момент времени t интервент получает выгоду $B(t)$, которая является долей дохода жертвы, присваиваемой интервентом. Максимальная выгода ($B_{\max}$) фиксирована для интервента, выполняется условие $B_{\max} < 1$. Интервент максимизирует дисконтированный поток выгод (коэффициент межвременного дисконтирования 1-д).

Жертва описывается пороговым уровнем терпимости S^* . Он определяется максимальными издержками, которые готова нести жертва в результате институциональной интервенции. Ситуация $S^* < B_{\max}$ приводит к потере легитимности и социальной напряженности, массовым протестам и т. п. Оптимальным для интервента будет состояние,

когда $B_{\max} < \frac{S^*}{\delta}$. Издержки жертвы в этом случае зависят от значений $B_{\max}$ и ставки дисконта δ . Чем больше величина δ , тем с большим уровнем потерь соглашается жертва. Ожидание жертвой еще большего ухудшения «правил игры» в будущих периодах приводит к легитимации институциональной интервенции в текущем периоде.

Наднациональный уровень. На национальном уровне наибольшим потенциалом власти обладает государство, устанавливаю-

⁴ Возможные проявления скрытых институциональных интервенций будут рассмотрены на наднациональном уровне.

⁵ Товары и услуги, потребление которых вызывает зависимость (табак, алкоголь, азартные игры и т. п.).

⁶ Предлагаемый подход основан на частичной формализации и адаптации модели политического делового цикла (Шульгин С. 2006. Влияние рентиориентированного поведения на политические деловые циклы: дис. ... канд. экон. наук. Москва: НИУ ВШЭ).

щее и манипулирующее ключевыми «правилами игры» в обществе. Поэтому государство в роли интервента воспринимается однозначно. Исследование институциональных интервенций на наднациональном уровне имеет ряд особенностей. Во-первых, распределение насилия на этом уровне не всегда регламентировано формально, поэтому статус интервента может иметь не легитимный, а самопровозглашенный характер. Во-вторых, диапазон областей приложения силового перераспределения настолько широк, что вызывает затруднения в создании универсальных техник его применения. Поэтому целесообразным выглядит применение ad hoc анализа и инструментария в зависимости от конкретных целевых функций глобальных интервентов. В-третьих, многообразие диспозиций (эмбарго, членство в интеграционных объединениях, международных клубах, военно-политических блоках, нахождение в санкционных списках и т. п.) и интервента, и жертвы порождает переплетение целевых функций и «необъятное поле» стратегического взаимодействия.

Целевые ориентиры институциональных субъектов на наднациональном уровне будут рассмотрены в пространстве международных политико-экономических отношений и региональных интеграционных группировок. Интересы глобальных акторов отличаются не только масштабностью, но и инструментами их достижения. Все многообразие взаимодействий в этом пространстве целесообразно структурировать в аналитических целях. Поэтому поведение в форме *кооперативной стратегии в рамках взаимодействия «интервент–объект»* будет использовано для описания **институциональных интервенций с положительным внешним эффектом**, а *некооперативные стратегии в рамках взаимодействия «интервент–жертва»* – для анализа **институциональных интервенций с отрицательным внешним эффектом**. Такое различие институциональных интервенций позволяет наблюдать и описывать их проявление на практике в смешанных формах. Рассмотрим некоторые из них.

Использование иерархичной целевой функции с комбинированным набором целей. Данная стратегия предполагает наличие в

институциональном проекте такой структуры целей, которые обладают как положительным, так и отрицательным внешним эффектом, что позволяет реализовать институциональную интервенцию в открытой форме. Подобная практика наблюдаема, например, в деятельности Всемирной торговой организации. Наряду с положительными эффектами для стран-членов («справедливая конкуренция», новые рынки сбыта и т. д.) не всегда соблюдается принцип равноправия. В некоторых случаях приоритет отдается субъектам, обладающим большей переговорной силой: транснациональным корпорациям и богатым странам⁷ (Mander, Baker, Korten, 2001). Также могут не соблюдаться условия паритетности для некоторых секторов экономики или, вопреки целям организации, среди государств-членов ВТО допускается односторонняя санкционная политика (например, антикубинские или антироссийские санкции).

Скрытая институциональная интервенция с «плавающими» правилами (перераспределение в пользу сильных партнеров). Еще одним проявлением институциональной интервенции является манипулируемость правилами ex post со стороны субъекта, обладающего большим потенциалом власти. Такая тактика применима в региональных интеграционных группировках. Примером может служить институциональная политика «крупных экономик» Евросоюза по отношению к некоторым странам-членам (ликвидация сахарной отрасли в Латвии, угольной промышленности в Польше, закрытие заводов в Эстонии и т. п.). Дополнительные правила призваны устранить излишнюю конкуренцию и обеспечить эффективное функционирование некоторых производителей. В случае отказа автоматически происходит сокращение потока дотаций из бюджета Европейского союза. Формула недобровольного обмена выглядит так: финансирование в обмен на отказ от отраслей национальной экономики. Существует множество примеров, когда отдельные страны используют неравномерность распределения сил в интеграционном объединении для продвижения своих интере-

⁷ URL: <http://www.imf.org/external/country/rus/rr/rus/2003/pdf/061803r.pdf>

сов (Франция в Союзе для Средиземноморья, ЮАР в Южноафриканском таможенном союзе). Стратегия «плавающих правил» характерна при взаимодействии государств внутри интеграционных объединений, когда доминирующий актор принуждает остальных участников к выгодному для себя сотрудничеству через проведение институциональной политики.

Институциональная интервенция с положительным внешним эффектом. Силовое перераспределение возможно с целью стимулирования развития социально значимых сфер жизнедеятельности. В таких случаях интервент выступает нормативным оценщиком потребностей. Среди множества направлений важным объектом институциональной интервенции являются крупные социально-экономические проекты, такие как «инновационная экономика», «технологическое лидерство», «интеллектуальная экономика» и т. п., которые требуют государственного участия. Приоритетный статус таких программ обуславливает необходимость в достаточном финансировании, что не всегда возможно за счет частных инвестиций. На национальном уровне нужный объем инвестиций обеспечивается за счет бюджетной поддержки путем перераспределения.

Другим, не менее значимым, объектом является производство общественных благ. На наднациональном уровне речь идет о производстве необходимого количества глобальных общественных благ (Estevadeordal, Goodman, 2017; Moon, Ritttingen, Frenk, 2017; Du, Tang, 2018; Kocher, Tan, Yu, 2018). Большое распространение в экономической науке получила концепция общественных благ, предоставляемых на национальном уровне. К общественным благам принято относить группу благ, обладающих такими свойствами, как неконкурентность в потреблении (потребление блага одним лицом не снижает возможности его потребления другим субъектом: национальная оборона, обеспечение законности и т. п.) и неисключаемость в предоставлении (невозможность производителя воспрепятствовать потребителю, не оплатившему благо: проблема «безбилетника»). Под *глобальными общественными благами* принято понимать «блага,

обладающие свойствами неконкурентности и неисключаемости с точки зрения участников мировой политико-экономической системы» (Афонцев, 2010. С. 266).

Выделяют две категории таких благ: конечные, удовлетворяющие потребностям глобального сообщества (поддержание мира, сохранение окружающей среды, стабильность международной торгово-финансовой системы и т. д.), и промежуточные, которые являются условием производства конечных благ (международные режимы как правила деятельности в политико-экономической системе) (Там же. С. 266). Именно глобальные правила выступают объектами институциональной интервенции. Совместные (кооперативное взаимодействие) усилия акторов по проектированию и внедрению правил, разделяемых большинством мирового сообщества, позволяют снизить трансакционные издержки. Положительный внешний эффект состоит в том, что позже образцы таких правил, получив распространение, становятся стандартом на национальном уровне для многих стран. Права человека, верховенство закона, поддержание экологической дисциплины и т. п. – примеры глобальных общественных благ, институционализация которых облегчает коммуникацию и процесс обмена между участниками международного взаимодействия.

Издержки перераспределения

Выгоды и издержки жертвы. Недобровольный обмен характеризуется реализацией целевой функции интервентом без учета интересов жертвы. Она в этом случае испытывает существенные ограничения в выборе поведенческих стратегий. По сути, жертва стоит перед выбором: принять навязываемую интервентом стратегию поведения и нести *издержки подчинения* или отказаться от условий доминанта и нести *издержки неподчинения (отказа)*. И тот и другой вид издержек является вынужденным. Поэтому выбор жертвы, при прочих равных условиях, зависит от сопоставления этих двух видов издержек. Если взаимодействие реализуется по типам «борьба» или «игра», то возможен торг, и величина

издержек будет зависеть от его исхода. Если же отношения организованы по типу «насилия» и одна из сторон не может отказаться от обмена, то оптимальное состояние описывается насильственным равновесием.

Выигрыш жертвы при институциональной интервенции – величина отрицательная. Поэтому оптимальной стратегией будет минимизация издержек взаимодействия. Задача в этом случае состоит в поиске такой поведенческой стратегии, которая характеризуется максимизацией разницы между издержками подчинения и издержками отказа.

Выгоды и издержки интервента. Статьи выгод и издержек субъекта недобровольного обмена разнообразнее. Поскольку интервент есть агрегация акторов «проектировщик» и «исполнитель» при совпадении их целевых функций, имеет смысл рассмотреть возникновение издержек индивидуально для каждого из участников. При этом целью не является выделение конкретных видов затрат с последующей их калькуляцией. Задача состоит в выявлении природы издержек недобровольного обмена (транзакционных издержек). Учитывая их наличие, интервент может принимать более взвешенные решения о необходимости осуществления институциональной интервенции. Таким образом, в зависимости от носителя, возможны следующие виды издержек.

Для проектировщика:

(1) издержки создания проекта институциональной интервенции: состоят из суммы затрат на информационное сопровождение (формирование ожиданий у жертвы) и экспертно-аналитическое обеспечение;

(2) издержки контроля над исполнителем: инвестиции в конвергенцию целевых функций.

Для исполнителя:

(1) издержки принуждения: инвестиции в создание действенного механизма принуждения к соблюдению правил или угрозы применения насилия;

(2) издержки компенсации: включают затраты на поддержание минимального уровня легитимности для обеспечения насильственного равновесия;

(3) издержки, вызванные отказом жертвы от недобровольного обмена при взаимодействиях «борьба» и «игра»;

(4) издержки на создание «последствий» (санкции) для жертвы в случае отказа от недобровольного обмена.

Детализация каждого из видов издержек зависит от особенностей конкретного силового перераспределения. Сумму затрат, которую несет интервент (проектировщик и исполнитель вместе), назовем *издержками поддержания институционального дизайна*. Сумма общих затрат интервента и жертвы составляет *транзакционные издержки недобровольного обмена*.

Выгоды интервента целесообразно разделить на измеряемые и не измеряемые количественно. Величину измеряемой части выгод можно оценить на основе их сопоставления с издержками. Однако максимизация разницы между выгодами и издержками поддержания необходимого институционального дизайна как оптимизирующий критерий не всегда является основанием при принятии решения об осуществлении институциональной интервенции. Дело в том, что формирование целевой функции недобровольного обмена происходит не только в экономической, но и в политической плоскости. Процесс принятия политических решений учитывает интересы не только политиков и чиновников, но также избирателей и групп давления. Это часто выступает причиной отклонения фактического политического курса от экономически оптимального. Несогласованность интересов субъектов, принимающих решения в области экономической политики, позволяет объяснить существование «провалов государства» и наблюдать такие их проявления, как устойчиво неэффективный выбор инструментов макроэкономического регулирования (Magee, Brock, Young, 1989), неоптимальное перераспределение доходов (Acemoglu, Naidu, Restrepo, Robinson, 2015), отложенная макроэкономическая стабилизация (Alesina, Drazen, 1991; Oatley, 2004). Как показывает практика, логика политико-экономических процессов предполагает выбор экономически эффективных решений из круга политически приемлемых.

Механизм осуществления институциональных интервенций

Институциональная интервенция реализуется при помощи манипулирования правилами. Манипулирование предполагает создание новых или изменение существующих институтов. Таким образом, манипулирование правилами – это всегда институциональное изменение. В новой институциональной экономической теории принято выделять две модели таких изменений⁸ (Elster, Offe, Preuss, 1998; Tang, 2017; Gualini, 2018):

спонтанные изменения, когда трансформация правил заранее не запланирована, происходит естественным путем как реакция на изменение экономической реальности;

целенаправленные изменения, когда трансформации правил предшествует план (проект), который является идеальной нормативной моделью последующих преобразований.

Некоторое обобщение моделей и механизмов институциональных изменений представлено в таблице.

Поскольку силовое перераспределение есть процесс целенаправленный, к тому же навязываемый жертве с помощью механиз-

ма принуждения, интервент чаще всего использует институциональное проектирование как инструмент достижения цели. Под институциональным проектированием будем понимать деятельность, связанную с целенаправленной разработкой и внедрением новых правил поведения экономических агентов. Институциональный проект как механизм осуществления институциональной интервенции должен содержать некий алгоритм или схему действий актора. С учетом довольно разнообразной типологии моделей силового перераспределения претензия на создание всеохватной, универсальной технологии выглядела бы самонадеянной. В свою очередь, базовый (стартовый) вариант, дополненный проектировщиком по необходимости *ad hoc*, может существовать. Продуктивным видится подход, рассматривающий институциональное проектирование как частный случай процесса принятия решений⁹. Теория принятия решений (Диксон, 1969; Papadakis, Lioukas, Chambers, 1998; Ferretti, Liu et al, 2018; Baudry, Macharis, Vallée 2018) позволяет предложить следующую обобщенную схему проектирования институциональной интервенции.

⁸ Тамбовцев В. 2009. Основы институционального проектирования: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М.

⁹ Тамбовцев В. 2009. Основы институционального проектирования: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М. С. 11.

Таблица

Модели и механизмы институциональных изменений

Модель институциональных изменений	Стратегия институциональных изменений		Механизм осуществления институциональных изменений	Механизм распространения институциональных изменений
Спонтанно эволюционная	Естественный отбор		Спонтанное возникновение	1. Политический рынок 2. Рынок институтов
Целенаправленное воздействие: революционное	1. Импорт		Заимствование	
	а) «шоковая терапия»;	2. Трансплантация		
эволюционное	б) «выращивание»: облагораживание существующих институциональных образцов; культивирование новых образцов; упрощение институциональных форм. в) промежуточные институты		Институциональное проектирование	
эволюционно-революционное	3. Целенаправленное конструирование			

Источник. Авторская разработка.

Блок 1. Цель и принципы:

- анализ существующей институциональной системы;
- выделение системообразующих элементов и формирование институционального кластера (группы / системы институтов, имеющих общую область приложения и единое функциональное назначение);
- выбор скорости и периода (учет фазы политического делового цикла) осуществления институциональной интервенции;
- формирование общественного мнения (информационные атаки, обоснование причин дисфункциональности существующих институтов, экспертное сопровождение);
- инвестиции в согласование интересов проектировщика и исполнителя;
- корректировка проекта с учетом ценностно-ментальных особенностей жертвы.

Блок 2. Направления, методы и механизмы.

- обоснование траектории, методов и механизмов институционального проекта;
- возможное использование квазиинститутов (ситуация, когда отсутствует какой-либо элемент в структуре института или область его приложения или есть несоответствие области приложения и функционального назначения) в качестве перераспределения трансакционных издержек путем избирательного применения механизма принуждения;
- процедура «вживления» индивидуальной целевой функции интервента (частного экономического или политического интереса) в проект;
- оценка соотношения уровня «терпимости» жертвы и потенциала легитимности интервента;
- выбор политически приемлемого варианта реализации проекта.

Блок 3. Оценка эффективности институционального проекта.

- обоснование возможных выгод и издержек при реализации институционального проекта;
- сценарии ожидаемой результативности;
- выработка компенсаторных механизмов;
- обоснование схемы мониторинга.

Анализ в системе «выгоды–издержки» позволяет дать количественную оценку реализуемому институциональному проекту. Немаловажным элементом, прямо влияющим на успешность проводимых изменений, является действенность компенсационных инструментов. Степень противодействия со стороны экономических и политических агентов, утративших выгоды после проведения реформ, определяется в зависимости от характера компенсаций.

* * *

Включение в экономический анализ насилия как формы недобровольного обмена позволяет очертить ряд перспективных проблем, требующих как теоретического осмысления, так и выработки конкретных экономических решений. Среди прочих это: выявление стратегий принуждения через установление правил; определение возможностей контроля насилия и сдерживания силовых перераспределительных процессов; проблема равенства перед законом и доступа к ресурсам; поиск пороговых значений стабильности политико-экономического устройства; проблема деперсонализации функций управления, исследование потенциала легитимности как конкурентной системы убеждений (эффективности идеологии), разработка механизмов стимулирования конкуренции в политике, обеспечивающей контроль элит и поиска ренты; и т. д.

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
(REFERENCES)**

- Афонцев С.** 2010. *Политические рынки и экономическая политика*. Москва: КомКнига. [Afontsev S. 2010. *Political markets and economic policy*. Moskva: KomKniga. (In Russ.)]
- Диксон Дж.** 1969. Проектирование систем: изобретательство, анализ, принятие решений. Москва: Мир. [Dikson Dzh. 1969. *Systems Design: Inventiveness, Analysis, Decision Making*. Moskva: Mir. (In Russ.)]
- Кристиневиц С.** 2017. Сохранение национального человеческого капитала как фактор экономической безопасности. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 23–36. [Kristinevich S. 2017. Sustain the quality of national human capital as a factor of

economic security. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No 4. PP. 23–36. (In Russ.)]

Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J. 2015. Democracy, Redistribution, and Inequality. *Handbook of Income Distribution*. Vol. 2. PP. 1885–1966. N.Y.: Elsevier.

Alesina A., Drazen A. 1991. Why Are Stabilizations Delayed? *American Economic Review*. Vol. 81(5). PP. 1170–1188.

Baudry G., Macharis C., Vallée T. 2018. Range-based Multi-Actor Multi-Criteria Analysis: A combined method of Multi-Actor Multi-Criteria Analysis and Monte Carlo simulation to support participatory decision making under uncertainty. *European Journal of Operational Research*. Vol. 264. Iss. 1. PP. 257–269.

Du J., Tang L. 2018. Evolution of global contribution in multi-level threshold public goods games with insurance compensation *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*. 013403

Elster J., Offe C., Preuss U. (Eds.). 1998. *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: Cambridge University Press.

Estevadeordal A., Goodman L. (Eds.). 2017. 21st Century Cooperation Regional Public Goods, Global Governance, and Sustainable Development. London, New York: Routledge.

Ferretti V., Liu J., Mousseau V., Ouerdane W. 2018. Reference-based ranking procedure for environmental decision making: Insights from an ex-post analysis. *Environmental Modelling & Software*. Vol. 99. PP. 11–24.

Gualini E. 2018. *Planning and the Intelligence of Institutions: Interactive Approaches to Territorial*

Policy-Making Between Institutional Design and Institution-Building. London, New York: Routledge.

Kocher M., Tan F., Yu J. 2018. Providing global public goods: electoral delegation and cooperation. *Econ Inq.* Vol. 56. PP. 381–397.

Krueger A. 1974. The Political Economy of the Rent-Seeking Society. *American Economic Review*. Vol. 64. No 3. PP. 291–303.

Magee S., Brock A., Young L. 1989. *Black Hole Tariffs and Endogenous Protection Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mander J., Baker D., Korten D. 2001. Does Globalization Help the Poor? *International Forum on Globalization Bulletin*. Vol. 1. Iss. 3. International Forum on Globalization.

Moon S., Ruttigen J., Frenk J. 2017. Global public goods for health: weaknesses and opportunities in the global health system. *Health Economics, Policy and Law*. Vol. 12. Iss. 2. PP. 195–205.

Oatley T. 2004. Why Is Stabilization Sometimes Delayed? Reevaluating the Regime-Type Hypothesis. *Comparative Political Studies*. Vol. 37. No 3. PP. 286–312.

Papadakis V., Lioukas S., Chambers D. 1998. Strategic Decision-Making Processes: The Role of Management and Context. *Strategic Management Journal*. Vol. 19. No 2. PP. 115–147.

Rodrik D. 1996. Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. No 1. PP. 9–41.

Tang S. 2017. *A General Theory of Institutional Change*. London, New York: Routledge.

Tullock G. 1967. The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft. *Western Economic Journal*. Vol. 5. No 3. PP. 224–232.

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskij zhurnal*. 2018. No 3. PP. 124–135.

Belarusian Economic Journal. 2018. No 3. PP. 124–135.

TYOLOGY OF INSTITUTIONAL INTERVENTIONS IN THE CONTEXT OF POWER REDISTRIBUTION PROCESSES

Sergey Kristinevich¹

Author affiliation: ¹ Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Corresponding author: Sergey Kristinevich (sk.bseu@gmail.com).

ABSTRACT. The article suggests a typology of institutional interventions at the national and supranational levels of the economy. Models of interaction within the framework of involuntary exchange are described. It was found that maximization of the difference between the benefits of institutional intervention and the costs of maintaining an appropriate institutional design can act as an optimizing criterion of the interventionist's efficiency function. There was described a state of forced equilibrium characterized by the fact that further use of the potential power for the interventionist results in a decrease of legitimacy and increased control cost, whereas the resistance of the object of intervention to the established institutional order causes an increase in the costs of noncompliance. A generalized scheme of institutional interventions is grounded, and promising research areas are suggested.

KEYWORDS: institutional interventions, forced exchange, new political economy, economic power, power redistribution, forced equilibrium.

JEL-code: A10, B41, D02.

Received 25.06.2018

